

перифразой «родитель его» (либо «родителя его», если речь идет и о матери Растка), или же «самодръжьць отьць», или просто «отьць» (и «мати отрока»).

Заслуживает внимания употребление у Феодосия греческих названий военных должностей. Сообщая о том, как исчез Растко и как Неманя снаряжает погоню за ним, Феодосий пишет: «И абие призвавъ единого отъ стратилатъ своихъ, глагола къ нему» (ЖС, 11). Этот же *стратилат*, в эпизоде, где рассказывается о том, как он приехал «къ упархоу солоунскихъ области», уже назван по-славянски *воеводой* в отличие от византийского военачальника, носящего по праву греческий титул. «И ничтоже суспѣвъше приходеть въ словоушти градъ Солоунъ, въ немже приеть бысть *воевода*, выдаетъ *упархоу* писание» (ЖС, 11). В последующем повествовании, в котором описано прибытие отряда преследователей на Афон, *воевода* снова назван *стратилатом*. Здесь, по всей вероятности, дело не просто в варьировании синонимов, а в стремлении писателя, несмотря на тенденцию к абстрагированию, все же сохранить некий намек на различие в социальном положении и в государственной принадлежности упоминаемых лиц. Имя *стратилата*, равно как и *наместника*, вообще не названо, так как речь идет о персонажах эпизодических. В подобных случаях очень часто существительные, обозначающие должности, сочетаются с каким-либо из неопределенных местоимений. Так, Неманя призвал *единого из стратилат* своих. У Доментиана же читаем: «По сихъ же высѣхъ въ Константинѣ градѣ нѣкыи вѣста царь лють и кровпролитель» (ЖСиС, 22), а у Данилы: «И посла нѣкое *едины отъ вельмоужь* своихъ съ нѣкотою честию воиски своее» (ЖКиАС, 195). С той же целью древние сербские писатели прибавляют неопределенные местоимения и к другим нарицательным существительным, заменяющим конкретные названия, а иногда и к самим именам собственным. Свой рассказ о Стрезе и его бесчинствах Доментиан начинает следующими словами: «Обрѣте се нѣкто *Стрѣзь* отъ българьскыя страны» (ЖСиС, 206). Подобно этому и Феодосий говорит о том же зазнавшемся вельможе: «... нѣкоторый Стрѣзь нарицаеми» (ЖС, 103). Так же и Данило пишет про архиепископа Арсения: «*Единь же оубо нѣкто юноша*, его же именоваше отъ сръмьскыя земле соушта» (ЖКиАС, 266).¹⁹

Приему с употреблением неопределенного местоимения близко также сочетание имен собственных и географических названий с некоторыми формами глаголов *решти*, *глаголати*, как например: «Вѣста бо въ те врѣмена въ земли българьсѣви князь нѣкто глаголемии Шишьманъ» (ЖКиАС, 117), или «живый въ градѣ рекомѣмъ Бѣдини» (ЖКиАС, 117); «обрѣтоста се два нѣка вельмоужа оукорѣнивша се въ дрѣжавѣ земле браничевьскыя въ мѣстѣ рекомѣмъ Ждрѣлѣ . . . брата единыя матери, яже глаголю Дръмана и Коуделина» (ЖКиАС, 114—115).

Таким образом, случайные, в историческом отношении подчас даже незначительные лица, в повествовании средневековых сербских авторов приравняются к персонажам важным. Ведь для средневековых книжников эти персонажи важны не столько как художественные образы, сколько им отводилась роль примеров для авторского назидания, для похвалы или порицания поступков и вообще поведения героев произведения

¹⁹ Такой способ абстрагирования явно перенят славянскими книжниками у византийских агнографов, в первую очередь у Метафраста. Симеон Метафраст очень часто начинает повествование о своих героях-святых словосочетаниями, в которых обязательной частью является неопределенное местоимение, например: «*ὁὐμὴ τις ἐστὶ . . .*», «*ἀνὴρ τις τῶν εἰς Χριστὸν πεπιστευῶτων*», «*γυνὴ δὲ τις ἐπιφανὴς φύσει οὐκ ἀσπίου*» и т. п.